

Дубова М. А. Глаголы мысли как способ характеристики героя-интеллекта в малой прозе А. П. Чехова и А. И. Куприна / М. А. Дубова, В. А. Тамазян // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 88—123. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-88-123.

Dubova, M. A., Tamazyan, V. A. (2022). Verbs of Thought as a Way of Characterizing Hero-Intellectual in Short Prose of A. P. Chekhov and A. I. Kuprin. *Nauchnyi dialog*, 11(9): 88-123. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-88-123. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-88-123

**Глаголы мысли как
способ характеристики
героя-интеллекта
в малой прозе
А. П. Чехова и
А. И. Куприна**

Дубова Марина Анатольевна
orcid.org/0000-0001-6906-1002
доктор филологических наук, доцент,
кафедра русского языка и литературы
dubovama@rambler.ru

Тамазян Валентина Артуровна
orcid.org/0000-0003-3028-7906
аспирант,
кафедра русского языка и литературы
tamazyan.valentina@yandex.ru

Государственный
социально-гуманитарный университет
(Коломна, Россия)

**Verbs of Thought
as a Way of Characterizing
Hero-Intellectual
in Short Prose
of A. P. Chekhov
and A. I. Kuprin**

Marina A. Dubova
orcid.org/0000-0001-6906-1002
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Russian Language
and Literature
dubovama@rambler.ru

Valentina A. Tamazyan
orcid.org/0000-0003-3028-7906
Postgraduate Student,
Department of Russian Language
and Literature
tamazyan.valentina@yandex.ru

State University of Humanities
and Social Studies
(Kolomna, Russia)

© Дубова М. А., Тамазян В. А., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуются глаголы мысли и их роль в характеристике языковой личности героя-интеллекта на материале повестей А. П. Чехова «Моя жизнь» и А. И. Куприна «Молох». Отмечается, что данное исследование позволит провести сопоставительный анализ персонажей с целью выявления типического и индивидуального в их представлениях о мире, в системе их взглядов на мир, в направленности их мыслительного процесса. Актуальность работы определяется обращением к проблеме описания языковой личности в художественном тексте. Новизна исследования состоит в изучении вариаций репрезентации модельной личности героя-интеллекта в русской прозе конца XIX века. В статье используются методы семантического и лингвостилистического анализа, сравнения и описания языковых единиц. В выводах обосновано, что при наличии отличительных черт в мыслительной деятельности героев, а также в принципах построения их речевых стратегий присутствуют общие, типологические свойства, что обусловлено их принадлежностью к одному социальному слою и культурно-исторической эпохе. Авторы считают, что данных героев можно отнести к модельной языковой личности русского интеллигента рубежа XIX—XX веков.

Ключевые слова:

мыслительная деятельность; языковая личность; интеллигент; концепт; лексическая репрезентация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The verbs of thought and their role in the characterization of the linguistic personality of the hero-intellectual based on the stories of A. P. Chekhov “My Life” and A. I. Kuprin “Moloch” is examined in the article. It is noted that this study will allow a comparative analysis of the characters in order to identify the typical and individual in their ideas about the world, in the system of their views on the world, in the direction of their thought process. The relevance of the work is determined by addressing the problem of describing a linguistic personality in a literary text. The novelty of the article lies in the study of variations in the representation of the model personality of the hero-intellectual in late 19th century Russian prose. The article uses methods of semantic and linguo-stylistic analysis, comparison and description of language units. The conclusions substantiate that in the presence of distinctive features in the mental activity of the characters, as well as in the principles of constructing their speech strategies, there are common, typological properties, which is due to their belonging to the same social stratum and cultural and historical era. The authors believe that these characters can be attributed to the model language personality of a Russian intellectual at the turn of the 19th—20th centuries.

Key words:

mental activity; linguistic personality; intellectual; concept; lexical representation.

УДК 811.161.1'37+821.161.1Чехов.07+821.161.1Куприн.07

Глаголы мысли как способ характеристики героя-интеллекта в малой прозе

А. П. Чехова и А. И. Куприна

© Дубова М. А., Тамазян В. А., 2022

1. Введение = Introduction

Антропоцентрическая парадигма современного лингвистического знания актуализирует идею о том, что «...каждый носитель языка является обладателем некой внутренней системы, которая позволяет ему строить и воспринимать тексты на данном языке» [Чурилина, 2017, с. 3]. Иначе говоря, «абстрактная “языковая система” обретает статус своеобразного фона, тогда как объектом изучения становится естественная система — словарь и грамматика, “присвоенные” носителям языка, а также сами носители языка — языковые личности» [Там же]. Обозначенный подход к языку объясняет, почему в «рамках антропоцентрического языкознания методологическим ориентиром выступает ... теория языковой личности» [Ворожбитова, 2005, с. 14]. Наш научно-исследовательский интерес связан с проблемой репрезентации в художественном тексте языковой личности, которую мы «воспринимаем как факт» [Караулов, 2019, с. 68], как реально существующую личность, обладающую «ценностями, идеалами, устремлениями» [Там же, с. 69], что и составляет объект исследования. Предметом изучения выступают глаголы мыслительной деятельности.

Актуальность статьи обусловлена обращением к языковой личности персонажа художественного произведения, которая привлекает пристальное внимание лингвистов, что находит отражение в разнообразии подходов к её изучению [Богин, 1984; Болдырев, 2015; Воркачев, 2001; Ворожбитова, 2005; Карасик, 2002; Караулов, 2019; Клобукова, 1997; Кубрякова, 1996; Стернин, 2007 и др.].

В центре нашего внимания находятся главные герои повестей А. П. Чехова «Моя жизнь» и А. И. Куприна «Молох» — Мисаил Полознев и Андрей Бобров, которые принадлежат к типу интеллектов. Они репрезентируют модельную языковую личность, под которой понимаются «типичные представители определенной этносоциальной группы, узнаваемые по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации» [Карасик, 2022, с. 10—11], что и будет доказано в ходе сопоставительного анализа.

Глаголы мысли, семантика которых позволяет фиксировать и сохранять знания о мире, являются важным компонентом в характеристике языковой личности персонажа. Мыслительный процесс определяет мировоззрение и мировосприятие человека как фрагменты его языковой картины мира. Внимание к этой теме обусловлено интересом к «человеческому разуму, мышлению и тем ментальным процессам и состояниям, которые с ними связаны» [Маслова, 2018, с. 6]. Именно «следствием когнитивной деятельности человека является создание мыслеобразов, иллюстрирующих то, что индивид думает о мире» [Дубова и др., 2021, с. 193].

Цель статьи состоит в последовательном выявлении и анализе глаголов мысли с позиций их роли в характеристике главных героев повестей А. П. Чехова и А. И. Куприна, что позволит провести сопоставительный анализ персонажей с целью выявления типического и индивидуального в их представлениях о мире, в системе их взглядов на мир, в направленности их мыслительного процесса.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Изучение языковой личности в художественном тексте посвящен ряд работ современных исследователей [Волков, 2019; Караулов, 2019; Клюканов, 1990; Чурилина, 2017 и др.], акцентирующих внимание на различных аспектах её описания и структурирования.

Лингвистический анализ языковой личности героя «позволяет раскрыть комплекс её характеристик (отношение к действительности, к людям, эмоциональный и оценочный статус, интересы), составляющих её прагматикон и определяющих тезаурус как набор ключевых слов, приобретающих категориальное значение в тексте» [Дубова и др., 2020, с. 430]. Важная роль в характеристике языковой личности принадлежит мыслительной деятельности, которая репрезентируется лексико-семантическими средствами — преимущественно глаголами интеллектуальной деятельности и глагольными выражениями, послужившими языковым материалом для исследования.

Глагольные лексемы, выявленные методом сплошной выборки на основе анализа персонажной субъектной речевой сферы и неперсонажной (оценка персонажа другими), были исследованы с учетом их синтагматических связей, что позволило сделать выводы об индивидуальных и типологических чертах мыслительного процесса главных героев повестей «Моя жизнь» и «Молох», вписанных в одну культурно-историческую эпоху конца XIX века. Кроме того, они принадлежат к одному социальному слою, что дает возможность считать их вариациями модельной личности героя-интеллигента в русской прозе порубежья. На основе методов семантического и лингвостилистического анализа, сравнения и описания язы-

ковых единиц были исследованы глаголы мысли, характеризующие персонажей повестей А. П. Чехова и А. И. Куприна в формате сопоставления, позволяющем выявить индивидуальные и типологические черты языковой личности героя-интеллекта в малой прозе конца XIX века.

3. Результаты и обсуждения = Results and Discussion

3.1. Глаголы мысли и их роль в характеристике Мисаила Полознева

В повести А. П. Чехова «Моя жизнь» (1896), принадлежащей к позднему периоду творчества писателя, повествование ведется от 1-го лица, что позволяет говорить о герое как «движущей силе» [Чудаков, 1971, с. 93] «повествовательной структуры произведения» [Тамазян, 2022, с. 43]. Подобная структура повествования определяет обращение преимущественно к персонажной субъектной речевой сфере и реже — неперсонажной.

Мыслящим субъектом в повести выступает Мисаил Полознев, двадцатипятилетний дворянин, сын архитектора, «имеющий знатных, благородных предков» [Чехов, 2019, с. 131], тогда как сам он не получил никакого «общественного положения». Герой обладает весьма общими представлениями о людях и о себе самом, что напрямую определяет его размышления — поиски смысла жизни. Разделяя идеи толстовства о том, что сильные не должны угнетать слабых и обязаны добывать себе кусок хлеба сами, не поработав ближнего, Мисаил пытается применить их к своей жизни, отдавая предпочтение физическому труду.

Глаголы мысли занимают важное место в характеристике героя-интеллекта, раскрывая его суждения, систему взглядов на мир, определяя отношения с окружающими людьми.

Первую группу глаголов со значением интеллектуальной деятельности составляют языковая единица *думать* (19) и производные от нее *вдуматься* (2), *обдумать* (1), *задуматься* (2), *подумать* (4), объединенные интегральной семей 'направлять мысли на кого-то / что-то' [Ожегов, 1999, с. 182]: ... *моя деятельность в сфере учебной и служебной не требовала ни напряжения ума, ни таланта..., а такой умственный труд я ставлю ниже физического ... и не думаю, что он ... мог служить оправданием праздною, беззаботной жизни...* [Чехов, 2019, с. 354]; *И как я хотел проникнуться сознанием свободы..., чтобы не думать о том, что делалось в городе, не думаю о своих нуждах* [Там же, с. 369]; *Вот я стою один в поле ..., а сам думаю: «Хорошо бы теперь поест хлеба с маслом!»* [Там же, с. 369]; *Я уже не думал о том, как мне добыть себе пропитание, как жить...* [Там же, с. 419] и под. Основу мыслительного процесса Мисаила составляют размышления о жизни (что актуализирует уже заглавие произведения), которые репрезентируются в формате внутренней и внешней

(диалоги с отцом, с сестрой и т. д.) речи персонажа, оформляясь в философскую дихотомию «умственный — физический труд», последовательно реализующуюся в ряде частных корреляций. Философские размышления Мисаил приземляет к своим жизненным обстоятельствам, фокусируясь на трудовой деятельности, которая во многом его не удовлетворяет, что становится причиной кардинального изменения социальной роли героя (он становится рабочим, что влечет за собой не только изменения привычного образа жизни, но и окружения со всеми вытекающими из этой ситуации последствиями). Мисаилу приходится выживать в новых жизненных обстоятельствах, думая о хлебе насущном: *лучшие мысли мешались с мыслями о каше, котлетах, жареной рыбе* [Там же, с. 363]. Объектами мыслей М. Полознева выступают также взаимоотношения с отцом, сестрой, доктором Благово. Особенно много герой говорит о Марии Викторовне Должиковой, на фоне любви к которой его мысли о работе, пропитании, ежедневных заботах мельчают и теряют свою значимость.

Вторую группу глаголов составляют лексемы *понимать / не понимать* (17), *сознать* (5), *сообразить* (2), *угадать* (1), *заклЮчить* (1) с общим лексическим значением ‘уяснить смысл, значение чего-нибудь’ [Ожегов, 1999, с. 561]: ... *люди, с которыми я жил в этом городе, были мне скучны..., я не любил и не понимал их* [Там же, с. 365]; *Я не понимал, для чего и чем живут эти шестьдесят пять тысяч людей* [Там же, с. 365]; ... *отлично понимал, почему такое множество людей работает только для куска хлеба и может говорить только о харчах* [Там же, с. 370] и т. д. Мисаил понимает, что жизнь, которую ведет большинство людей его круга, в том числе отец, и к которой принуждают его, неправильна, скучна и бессмысленна. Ему не ясно, как этого не видят окружающие, презирающие его за сделанный им выбор в пользу физического труда. Погрузившись в рабочую среду, Мисаил приходит к пониманию тех, кто работает за кусок хлеба, так как сам испытывает постоянное чувство голода. Героя тревожат отношения его сестры и доктора Благово, которых он не одобряет, хотя ему хорошо известно желание Клеопатры, всегда мечтавшей о любви, быть счастливой. Став подрядчиком, герой постигает смысл поисков работы, которая бы приносила прибыль. В то же время с отъездом Маши, осознавая, что он, к сожалению, стал лишь небольшим эпизодом в её яркой и насыщенной жизни, герой приходит к выводу, что без этой девушки жизнь теряет смысл.

Глаголы *знать / не знать* (36), *узнать* (1) имеют лексическое значение ‘обладать какими-то познаниями / иметь представление о чем-либо / ком-либо’ [Ожегов, 1999, с. 364]: *Наклонность к умственным наслаждениям ... у меня была развита до страсти, но была ли способность к умственному труду — не знаю* [Там же, с. 354]; *Мне уже казалось странным,*

что раньше я **не знал**, например, что весь мир состоит из шестидесяти простых тел, **не знал**, что такое олифа, что такое краски, и как-то мог обходиться без этих знаний [Там же, с. 403] и т. д. В основе мыслительного дискурса Мисаила лежит незнание, для чего он живет, которое подталкивает его к постоянному самоанализу. Синтагматические связи глаголов этой группы показывают, что Мисаил действительно не знает умственного труда в том высоком смысле слова, которое герой в него вкладывает, что связано со спецификой воспитания Полознева, уровнем образования, его окружением и т. д. В процессе своего становления герой пытается найти людей, у которых он мог бы набраться жизненного опыта.

Автор подчеркивает недостаток знаний Мисаила об окружающих его людях и вещах, что реализуется в чувстве неуверенности (употребление глаголов с отрицательной частицей *не*), склонности к сомнениям в правильности своего выбора. Так, из-за отсутствия знаний в области ведения сельского хозяйства жизнь Мисаила с женой в Дубечне омрачается постоянными ссорами с крестьянами, что в итоге разрушает взаимоотношения супругов и приводит к расставанию. Герой испытывает искреннее сожаление по этому поводу. М. Полознев ощущает острую потребность в знаниях в целом и в обогащении своего жизненного опыта, что осознается им самим и находит отражение во внутренней речи героя в формате его размышлений. Жизненный путь Мисаила, таким образом, можно рассматривать как движение к расширению объема практических знаний на основе приобретаемого опыта.

Герой часто использует глаголы памяти с общим лексическим значением 'сохранять, удерживать в памяти, не забывать' [Ожегов, 1999, с. 182]: *помнить* (9), *вспомнить* (10), *припомнить* (2), *припоминать* (2), *напоминать* (1), *забывать* (1) и т. д. Они встречаются преимущественно во второй половине повести, где Мисаил предстает человеком, который, анализируя своё прошлое, формирует собственную жизненную философию: *И почему-то все эти выстроенные отцом дома ... напоминали мне его цилиндр, его затылок, сухой и упрямый* [Там же, с. 356]; *... я помню, как он, бывало, из-за ничтожного заказа бегал дня по три* [Там же, с. 381]; *... со слезами на глазах, почему-то вспоминая нашу мать, наше детство, я обнял её и поцеловал* [Там же, с. 440] и т. д.

Как мы видим, воспоминания Мисаила преимущественно связаны с близкими ему людьми (сестрой, отцом, доктором Благово, Марией Викторовной, Редькой и т. д.), то есть имеют антропологическую направленность, что, в свою очередь, вербализуется глаголами со значением социального и межличностного взаимодействия (*ласкают, забавляются, обнял, поцеловал* и т. д.). В начале произведения М. Полознев предстает че-

ловеком общительным, что продиктовано настойчивым стремлением героя найти взаимопонимание с другими людьми, объяснить им свою позицию, вследствие чего глаголы речи преобладают над глаголами мысли в характеристике персонажа. По мере развития сюжета герой «замыкается», его речевая активность снижается, что реализуется в нарастающем преобладании внутренней речи над внешней. Мисаил все больше размышляет о своей настоящей жизни, о прошлом. Теперь уже сквозь призму воспоминаний он пытается понять отношение к нему других людей, осмыслить их мировосприятие, что, в свою очередь, свидетельствует о приобретении героем жизненного опыта, а на уровне языковой личности знаменует тенденцию перехода от экстравертного типа к интровертному.

Особая роль в вербализации мыслительного процесса Мисаила принадлежит глаголу *казаться* (26), его деривату *показаться* (4), а также лексемам *чудиться* (1) и *представляться* (3), о чем свидетельствует высокая частотность их употребления: ... *мне казалось, что если я живу не в настоящей комнате ..., то слова отца, что я сижу у него на шее, звучат как будто уже не так обидно* [Там же, с. 357]; *Когда я возвращался с работы домой, то все эти (рабочие), которые сидели у ворот на лавочках ... пускали мне вслед разные замечания, и это ... волновало меня и казалось просто чудовищным* [Там же, с. 383]; *Каким бы неуклюжим зверем ни казался мужик ... в нём есть то нужное и важное, ... он верит, что главное на земле — правда* [Там же, с. 439] и т. д. Как мы видим, анализируя поведение, слова и поступки близких ему людей, герой таким образом приобретает жизненный опыт и вырабатывает собственную систему морально-нравственных установок и ценностей.

Проведенный анализ глаголов мысли, соотносительных с самохарактеристиками Мисаила Полознева или описанием его автором, позволил сделать следующие выводы:

— герою свойственно преимущественно негативное восприятие действительности, причины которого лежат в общей атмосфере эпохи конца XIX века, что приводит его к идеям толстовства, выбору «черного» труда, уходу от своего социального круга;

— Мисаил обладает тонким чувством прекрасного, умеет сострадать, не приемлет грубость и несправедливость. Он склонен к мечтаньям (например, о духовной профессии), полон надежд на изменение своей жизни, которые, к сожалению, разбиваются о суровую реальность;

— М. Полознев открыт новым впечатлениям и любви, он стремится к общению и поиску близких ему по духу людей, что в целом и определяет особенности его коммуникативно-речевых стратегий, где внешняя речь преобладает над внутренней. Герой стремится к взаимопониманию

в общении с сестрой, Марией Викторовной, доброжелателен в разговорах с доктором Благово, демонстрируя инициативный тип общения, тогда как диалоги с отцом, инженером Должиковым, Иваном Чепраковым окрашены иной тональностью, что связано с непониманием, даже конфронтацией позиций коммуникантов;

— в ходе развития сюжета мы наблюдаем трансформацию языковой личности Мисаила от экстравертного к интровертному типу, что сопровождается нарастанием преобладания внутренней речи над внешней и появлением таких характеристик личности, как замкнутость, нелюдимость, отсутствие стремления к коммуникации.

3.2. Глаголы мыслительной деятельности как элемент характеристики языковой личности Андрея Ильича Боброва

Повесть А. И. Куприна «Молох», написанная в том же 1896 году, посвящена сходной теме — судьбе человека в условиях капиталистического мироустройства. Инженер Андрей Ильич Бобров, несущий бремя службы на заводе, так же, как и Мисаил Полознев, находится в состоянии внутреннего конфликта: *Но всего больше действовал на него тот внутренний душевный разлад, который он примечал в себе с недавнего времени* [Куприн, 2020, с. 257]. В заглавие А. И. Куприным вынесено имя финикийского божества Молоха — идола, требующего жертвоприношений, олицетворяющего в произведении господство буржуазной цивилизации, противостояние которой изначально обречено на провал. Так и само повествование в книге последовательно раскрывает трагическую предрешенность бунта инженера Боброва против социальной действительности.

Андрей Ильич, как и М. Полознев, представляет тот же тип героя-интеллекта, остро переживающего проблему социального неравенства, общественной несправедливости, что является его типологической чертой и находит отражение в его мыслительной деятельности. Однако при этом между героями есть весомая разница, и состоит она в уровне их образования и жизненном опыте. В этом смысле А. И. Бобров предстает более интеллектуально развитым и опытным человеком, хотя еще более уязвимым, одиноким и несчастным.

Структура авторского повествования в «Молохе», ведущегося от 3-го лица, принципиально иная, что позволяет говорить о явном преобладании внутренней речи героя над внешней и дает основание предположить, что А. И. Бобров представляет языковую личность интровертного типа.

Образ Андрея Ильича раскрывается в авторских характеристиках: *Как многие нервные люди, он чувствовал себя очень нехорошо по утрам* [Там же, с. 257]; *Его нежная, почти женственная натура жестоко страдала от грубых прикосновений действительности* [Там же, с. 258]; ... он, как

многие **впечатлительные люди**, находил новые мысли только среди разговора [Там же, с. 275—276], в оценке другими персонажами: **производит впечатление замкнутого человека** [Там же, с. 260] (Свежевский); **Да ведь он — сумасшедший** [Там же, с. 278] (доктор Гольдберг); **Маниак, совершенный маниак** [Там же, с. 278] (доктор Гольдберг) и т. д. Таким образом, перед читателем предстает неоднозначная личность героя: внешне не очень привлекательного, физически слабого человека, но интеллектуально развитого, одухотворенного, остроумного, порой до сарказма, нервного и импульсивного, при этом с нежной и впечатлительной душой. Он мало кого пускает в свой внутренний мир, избегает общества, поэтому его не понимает большинство окружающих (*нахал и дурак*, как говорит мадам Зиненко), однако высоко ценят умные люди (бельгийский инженер Андреа, доктор Гольдберг).

Мироощущение героя пессимистично и негативно: у него плохое физическое самочувствие, он страдает частыми головными болями, бессонницей, испытывает отвращение к службе и ненависть к заводу, его не понимают окружающие, мечты Андрея Ильича разбиваются о грубую действительность, и все это в итоге приводит инженера Боброва к нервному срыву. Негативное восприятие действительности героем репрезентируется лексемами разной частеречной принадлежности: именами прилагательными (**внутренний душевный разлад**, **тайные страдания**, **блеск лихорадочных болезненных глаз**), именами существительными (**отвращение**, **почти ужас**, **отчаяние**, **кошмары**), наречиями (**уныло спрашивает**, **бешено поднимаемая**), словами категории состояния (**как мне тяжело**, **невыносимо больно**). Несмотря на преимущественно негативную тональность мироощущения персонажа, в нем задана и некая положительная доминанта, основу которой составляют склонность Боброва к широким поэтическим картинам, мечта о нежной девической любви, которая теплится в глубине его души. Текстопроизводство героя характеризуется привлечением значительного количества глагольной лексики со значением мыслительной деятельности, подтверждением чему в первую очередь служат его внутренние монологи и диалоги с доктором Гольдбергом и Ниной.

Первую группу глаголов, репрезентирующих мыслительный процесс Боброва, составляет лексема интеллектуальной деятельности **думать** (13) и производные от неё **подумать** (11), **вздумать** (1), **задуматься** (1), а также лексема **представлять** (5) с общим словарным значением глагола 'думать': «Сейчас что-нибудь неприятное скажет» — **подумал** Бобров (о Свежевском) [Там же, с. 260]; **Тогда бы его не остановило бы даже сознание, ... что он и она думают и говорят на разных языках** (о Нине Зиненко) [Там же, с. 266]; — **Зачем же, — растроганно думал он, — утомляю я себя бесплодными мечтами о каком-то неведомом ... счастье...** [Там же,

с. 270]; — *Вот он — Молох, требующий теплой человеческой крови ... подумайте же ... — двадцать лет ... человеческой жизни в сутки* (разговор с доктором Гольдбергом) [Там же, с. 278—279]; *И на кого, как не на одну только Богородицу, надеяться эти большим детям (рабочим завода), с мужественными и простыми сердцами ... так, или почти так думал Бобров* [Там же, с. 286] и т. д. Диапазон мыслей Боброва не отличается широтой и разнообразием. По сути, все его мысли сосредоточены вокруг одного: как тяжело и гадко жить. О смысле существования размышляет и чеховский герой, однако при всем неприятии образа жизни людей его круга, Мисаил не приходит к таким однозначно негативным оценкам жизни. Кроме того, мысли А. И. Боброва направлены на Нину Зиненко, в которую он влюблен, а также на судьбы рабочих, чьи страдания инженер наблюдает каждый день. Особое внимание обращает на себя тот факт, что в репрезентации мыслительного процесса героя участвует множество тропов и фигур (*наивный, свежий, детский ум, бесплодные мечты, мужественные и простые сердца, привычный подвиг терпения и отваги* и т. д.), что передает образность его мышления, склонность к игре воображения, желание домыслить то, чего нет на самом деле, тем самым выдавая желаемое за действительное. Бобров нередко видит людей лучше, чем они есть на самом деле, что и составляет основу его внутреннего конфликта между восприятием реальной жизни и созданной воображением. Именно в этом контексте следует оценивать отождествление инженером Бобровым завода с Молохом, что также свидетельствует о мифологизированном мышлении персонажа. Перечисленные особенности образа мыслей Андрея Ильича индивидуализируют его языковую личность, придавая ей самобытные черты.

Бобров, как и М. Полознев, характеризуется глаголами *понимать* (3), *догадаться* (1), *заблуждаться* (1): *И я понял, что вы, если бы захотели, то могли бы сделать меня самым счастливым человеком в мире* [Там же, с. 280]; *Или, может быть, ей просто не хочется танцевать с таким мешком, как я? — догадался он* [Там же, с. 303] и др. Однако их количество незначительно, в отличие от числа глаголов, характеризующих чеховского персонажа, что опять же объясняется широтой знаний инженера Боброва и его образованностью. Как правило, они характеризуют текстопроизводство Андрея Ильича в той его части, которое посвящено размышлениям о Нине, отношении которой к нему Бобров никак не может понять.

Семантема ‘иметь сведения о чем-нибудь’ [Ожегов, 1999, с. 364] репрезентируется глаголами *знать* (14), *не знать* (5): *Теперь, подъезжая к Шепетовке, он уже заранее знал, что и как там будут говорить в том или другом случае, даже представлял себе выражение лиц* [Там же, с. 266]; *Он знал, что когда с их террасы увидят его верхом на лошади, то сначала*

между барышнями, всегда находящимися в ожидании «приятных кавалеров», подымется длинный спор о том, кто это едет [Там же, с. 266]; **Вы должны знать**, что каждый мастер несколько раз в день избегает смертельной опасности ... (в диалоге с доктором Гольдбергом) [Там же, с. 276] и т. д. При этом в описании мыслительной деятельности персонажа преобладает лексема *знать*, вербализующая высокий уровень интеллектуального развития и широкий кругозор инженера Боброва, тогда как в характеристике мыслительного процесса Мисаила Полознева превалирует эта лексема с отрицательной частицей *не*, что позволяет увидеть недостаточность знаний героя и объяснить его настойчивое стремление их пополнить и расширить.

Отметим, что лексема *знать* используется А. И. Бобровым преимущественно в диалогах с доктором Гольдбергом и Ниной: *Я знаю, если кто-нибудь упомянет в разговоре про луну, вы сейчас же вставите: «Как эта глупая луна»...* [Там же, с. 269]; *Если я расскажу ... какой-нибудь выходящий из ряда обыкновенных случаев, я наперед знаю, что вы заметите: «Свежо предание, а верится с трудом»* [Там же, с. 269]. Бобров влюблен, поэтому и оправдывает милое щебетание Нины, весьма поверхностной, не способной к глубокой внутренней рефлексии, тогда как с доктором Гольдбергом герой может рассуждать о важных для него вопросах, что свидетельствует об интеллектуальном равенстве между ними.

Андрей Ильич проникновен, понимает людей, читает «выражения их лиц», может наверняка предположить, как поведет себя собеседник, что скажет. Анализ роли А. И. Боброва в общении с другими персонажами показывает, что его можно охарактеризовать как языковую личность со сформированными коммуникативными компетенциями, так как в процессе взаимодействия у него не возникает психологических барьеров, он владеет нормами этикета, умело ведет спор и т. д., что находит отражение в его внешней речи, однако круг его общения ограничен только теми людьми, с которыми он считает нужным поддерживать отношения. Это не близкие люди, а те, кто ему интересен.

Семантема ‘помнить, вспоминать’ репрезентируется глаголом *помнить* (3), его дериватами *вспомнить* (7), *припомнить* (1), *напоминать* (1), а также *представлять* (1), *представить* (2). Оппозицию им составляют глаголы *забыться* (1), *забыть* (1), *не помнить* (1) с общей семой ‘перестать помнить, утратить воспоминание о ком-то / чём-то’ [Ожегов, 1999, с. 198]: *Он представлял себе её стройную фигурку, улыбку её томных ... глаз и запах её тела* [Там же, с. 266] (большинство воспоминаний А. И. Боброва связано с Ниной и оценкой её поведения, что характерно для человека влюбленного); *О, я отлично помню, какой страшный перечень детей двадцатого века, неврасшедших, сумасшедших ... самоубийц кидали вы в глаза*

этим самым благодетелям (ученым, инженерам и т. д.) рода человеческого [Там же, с. 274] (в диалоге с доктором Гольдбергом); *Вы помните из Библии, что какие-то там ассирияне или моавитяне приносили богам человеческие жертвы ...* [Там же, с. 275] и т. д. Употребление глаголов памяти в диалогах с доктором Гольдбергом свидетельствует об интенсивности их коммуникации, имеющей преимущественно интеллектуальный характер.

Важная роль в характеристике размышлений героя в «Молохе», как и в повести «Моя жизнь», принадлежит глаголам *казаться* (18), *показаться* (3), *чудиться* (1), *почудиться* (3) и *представляться* (1): *Что-то стихийное, могучее и в то же время что-то детское и трогательное **почудилось** Боброву в этой общей молитве серой огромной массы* [Там же, с. 286]; *Что-то удручающее, нечеловеческое **чудилось** Боброву в бесконечной работе кочегаров* [Там же, с. 290]; *Все лица стали **казаться** ему пошлыми, жалкими, почти комичными* [Там же, с. 303]; *На мгновение ему **показалось**, что это едет вовсе не Квашинин, а какое-то окровавленное, уродливое и грозное божество* [Там же, с. 311] и т. д.

Отметим, что лексема *казаться* преимущественно встречается в конце повести, вербализуя душевный срыв героя, к которому А. И. Бобров последовательно шел по мере развития сюжета. Пребывая в состоянии болезненного бреда, помутнения сознания, он переживает совмещение двух пространственных плоскостей: реального и кажущегося, созданного большим воображением героя мира, образ которого репрезентируется соответствующей глагольной лексикой.

Проведенный анализ позволяет нам сформулировать ряд выводов о специфике мироощущения и речи А. И. Боброва как условной языковой личности персонажа художественного текста:

— мировосприятие героя, человека чуткого, ранимого, умного, носит негативный характер, приобретая по мере развития сюжета формат бреда и галлюцинаций, причины которых определяются внутренним душевным разладом и конфронтацией с миром;

— нежелание существовать в рамках капиталистического общества, не способного к состраданию и справедливости, не понимающего ценности человеческой жизни, неприятие его законов и морали приводят Боброва к психологическому срыву;

— на вербальном и невербальном уровнях общения герой демонстрирует нежелание вступать в коммуникацию (*отозвался нехотя, замолчал, спросил небрежно, отворачиваясь, повернувшись спиной* и т. д.). Круг общения Боброва ограничен только теми людьми, которых он считает возможным впустить в свое личное пространство, то есть коммуникация с его участием характеризуется как закрытая, принудительная, преимуще-

ственно конфликтная, особенно по ходу развития сюжета и усугубления состояния персонажа, что обусловлено мещанской средой, в которой живет герой, враждебной ему по своей сути, пропастью между обывателями и интеллектуалом, неприятием его окружающими, считающими Андрея Ильича человеком гордым и заносчивым;

— если оценивать избираемые персонажем коммуникативно-речевые стратегии, то инженер Бобров — языковая личность интровертного типа, о чем свидетельствует доминирование внутренней речи (интериоризованная речь, несобственно-прямая речь и т. д.). Интровертность героя обусловлена его высоким интеллектуальным уровнем, склонностью к наблюдениям и анализу, стремлением к высоким идеалам, наличием высоких моральных установок, что и делает его изгоем среди коллег;

— сложившееся под влиянием капиталистического общества, где отсутствуют справедливость, социальное равенство, честность и добро, мировосприятие А. И. Боброва формирует в нем стойкое ощущение одиночества, осознание себя непонятым, брошенным на произвол судьбы, жертвой капитализма и прогресса.

4. Заключение = Conclusions

Анализ глаголов мыслительной деятельности в характеристике главных героев повестей А. П. Чехова «Моя жизнь» и А. И. Куприна «Молох» — А. И. Боброва и М. Полознева — позволяет сделать следующие выводы:

— языковая личность Мисаила Полознева относится к экстравертному типу с тенденцией к переходу в интровертную, что репрезентируется на уровне мыслительного дискурса героя и его коммуникативно-речевых особенностей;

— языковую личность Мисаила характеризует недостаточность знаний, жизненного опыта, следствием чего становится сложности в построении коммуникации, которые находят отражение как во внутренней, так и во внешней речи героя;

— языковая личность А. И. Боброва относится к интровертному типу, о чем свидетельствует направленность его мыслительного процесса, саморефлексия, средством репрезентации которой является преимущественно внутренняя речь героя;

— с позиций коммуникативных навыков языковую личность А. И. Боброва характеризует высокий уровень интеллектуального развития, владение приемами аргументации, что находит отражение в его коммуникативно-речевых стратегиях.

Проведенный анализ позволяет считать М. Полознева и А. И. Боброва вариациями модельной личности русского интеллигента рубежа XIX—

XX веков, обладающей следующими типологическими чертами: вписаностью в конкретный социокультурный и культурно-исторический контекст эпохи конца XIX века, негативным восприятием мира и окружающей действительности; наличием высоких морально-нравственных качеств и установок; присутствием черт «лишнего человека»; богатой внутренней рефлексией. При этом каждый из героев обладает совокупностью индивидуальных черт.

Источники

1. *Куприн А. И.* Полное собрание романов и повестей в одном томе / А. И. Куприн. — Москва : АЛЬФА-КНИГА, 2020. — 1212 с. — ISBN 978-5-9922-0406-3.
2. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений. 4 изд., доп. / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — Москва : Азбуковник, 1999. — 944 с.
3. *Чехов А. П.* Степь ; Скучная история ; Три года ; Моя жизнь ; Повести / А. П. Чудаков. — Москва : Время, 2019. — 420 с. — ISBN 978-5-00112-198-5.

Литература

1. *Богин Г. И.* Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Г. И. Богин. — Ленинград, 1984. — 31 с.
2. *Болдырев Н. Н.* Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2015. — № 1 (42). — С. 5—12.
3. *Волков А. А.* Основы филологии. Антропоцентризм, языковая личность и прагматистика текста : курс лекций / В. В. Волков. — Москва : Флинта, 2019. — 148 с. — ISBN 978-5-9765-2016-5.
4. *Воркачев С. Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт : становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. — 2001. — № 1. — С. 61—72.
5. *Ворожбитова А. А.* Теория текста : антропоцентрическое направление : учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. / А. А. Ворожбитова. — Москва : Высшая школа, 2005. — 367 с. — ISBN 5-06-004942-6.
6. *Дубова М. А.* Языковая личность героя в рассказе В. Я. Брюсова «В башне» / М. А. Дубова, Н. А. Ларина // Мир науки, культуры, образования. — 2020. — № 5 (84). — С. 429—431. — DOI: 10.24411/1991-5497-2020-01020.
7. *Дубова М. А.* Средства репрезентации пространственного континуума в ранних рассказах И. А. Бунина / М. А. Дубова, Н. А. Ларина // Научный диалог. — 2021. — № 10 (октябрь). — С. 191—213. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-191-212.
8. *Карасик В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-88234-552-2.
9. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2019. — 264 с. — ISBN 978-5-397-06618-1.
10. *Клобукова Л. П.* Феномен языковой личности в свете лингводидактики / Л. П. Клобукова // Язык, сознание, коммуникация : сборник статей / под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. — Москва : Филология, 1997. — Выпуск 1. — С. 70—72.

11. Клюканов И. Э. Языковая личность и интегральные смысловые образования / И. Э. Клюканов // Язык, дискурс и личность. — Тверь : Тверской государственный университет, 1990. — С. 69—73.

12. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — Москва : Филол. фак. МГУ, 1996. — 245 с. — ISBN 5-89042-018-1.

13. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику : учебное пособие. 9-е изд. / В. А. Маслова. — Москва : Флинта, 2018. — 296 с. — ISBN 978-5-89349-748-9.

14. Стернин И. А. Когнитивная лингвистика / И. А. Стернин, З. Д. Попова. — Москва : АСТ — Восток-Запад, 2007. — 314 с. — ISBN 978-5-17-045103-6.

15. Тамазян В. А. Глаголы памяти в мыслительном дискурсе М. Полознева / В. А. Тамазян // Слово. Словесность. Словесник : Сборник статей 8 Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. — Рязань : Индивидуальный предприниматель Коняхин Александр Викторович, 2022. — С. 43—46. — ISBN 978-5-907568-18-1.

16. Чудаков А. П. Поэтика Чехова / А. П. Чудаков. — Москва : Наука, 1971. — 290 с.

17. Чурилина Л. Н. Языковая личность в художественном тексте : монография. 7 изд., стер. / Л. Н. Чурилина. — Москва : Флинта, 2017. — 239 с. — ISBN 978-5-89349-999-9.

Material resources

Chekhov, A. P. (2019). *Steppe; Boring story; Three years; My life; Novellas*. Moscow: Vremya. 420 p. ISBN 978-5-00112-198-5. (In Russ.).

Kuprin, A. I. (2020). *The complete collection of novels and novellas in one volume*. Moscow: ALFA-BOOK. 1212 p. ISBN 978-5-9922-0406-3. (In Russ.).

Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Y. (1999). *Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. 4 ed., supplement*. Moscow: Azbukovnik. 944 p. (In Russ.).

References

Bogin, G. I. (1984). *The model of the linguistic personality in its relation to the varieties of texts*. Author's abstract of Doct. Diss. Leningrad. 31 p. (In Russ.).

Boldyrev, N. N. (2015). Anthropocentric essence of language in its functions, units and categories. *Questions of cognitive linguistics, 1 (42)*: 5—12. (In Russ.).

Chudakov, A. P. (1971). *Chekhov's Poetics*. Moscow: Nauka. 290 p. (In Russ.).

Churilina, L. N. (2017). *Linguistic personality in a literary text: monograph*. Moscow: Flint. 239 p. ISBN 978-5-89349-999-9. (In Russ.).

Dubova, M. A., Larina, N. A. (2020). The linguistic personality of the hero in V. Ya. Bryusov's story "In the Tower". *The world of science, culture, education, 5 (84)*: 429—431. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-01020. (In Russ.).

Dubova, M. A., Larina, N. A. (2021). Means of Lexical Representation of Spatial Continuum in Early Stories of I. A. Bunin. *Nauchnyi dialog, 10*: 191—212. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-191-212> (In Russ.).

Karasik, V. I. (2002). *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremenna. 477 p. ISBN 5-88234-552-2. (In Russ.).

Karaulov, Yu. N. (2019). *Russian language and linguistic personality*. Moscow: LIBROCOM. 264 p. ISBN 978-5-397-06618-1. (In Russ.).

Klobukova, L. P. (1997). The phenomenon of linguistic personality in the light of linguodidactics. In: *Language, consciousness, communication: collection of articles, 1*. Moscow: Philology. 70—72. (In Russ.).

- Klyukanov, I. E. (1990). Linguistic personality and integral semantic formations. In: *Language, discourse and personality*. Tver: Tver State University. 69—73. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S. (1996). *A concise dictionary of cognitive terms*. Moscow: Philol. fac. MSU. 245 p. ISBN 5-89042-018-1. (In Russ.).
- Maslova, V. A. (2018). *Introduction to cognitive Linguistics: a textbook. 9th ed.* Moscow: Flinta. 296 p. ISBN 978-5-89349-748-9. (In Russ.).
- Sternin, I. A., Popova, Z. D. (2007). *Cognitive Linguistics*. Moscow: AST — East-West. 314 p. ISBN 978-5-17-045103-6. (In Russ.).
- Tamazyan, V. A. (2022). Verbs of memory in the mental discourse of M Poloznev. In: *Word. Literature. Slovesnik: Collection of articles of the 8th All-Russian Scientific and Practical conference with international participation*. Ryazan: Individual Entrepreneur Konyakhin Alexander Viktorovich. 43—46. ISBN 978-5-907568-18-1. (In Russ.).
- Volkov, A. A. (2019). *Fundamentals of philology. Anthropocentrism, linguistic personality and pragmatilistics of the text: a course of lectures*. Moscow: Flinta. 148 p. ISBN 978-5-9765-2016-5. (In Russ.).
- Vorkachev, S. G. (2001). Linguoculturology, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics. *Philological sciences, 1*: 61—72. (In Russ.).
- Vorozhbitova, A. A. (2005). *Text theory: anthropocentric direction: textbook*. Moscow: Higher School. 367 p. ISBN 5-06-004942-6. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 22.10.2022,
одобрена после рецензирования 05.11.2022,
подготовлена к публикации 25.11.2022.